

В один из дней наших ожиданий неизвестно чего приятной наружности молодой человек предложил поехать с ним в Охотск открывать новую авиаметеорологическую станцию (АМСГ). В Охотске строился аэропорт, наша задача — обслуживание аэропорта прогнозами погоды. Это был вновь назначенный начальник АМСГ, синоптик Белый Александр Семенович, окончивший полгода тому назад Владивостокский гидрометтехникум. Со мной сидел один из окончивших курсы Петров Николай. Как будто давно решенный вопрос, мы дали свое согласие и без дальнейших проволочек были зачислены наблюдателями АМСГ «Охотск».

Со середины ноября началась новая эпоха у «адвенчера» — скорее, эпопея. Первый вопрос, как нам добраться до вожделенного Охотска, когда в это время никакие суда в этот район не идут, самолеты не летают, пешком далеко. Саша, наш начальник, парень пробивной, начал активные поиски, но результат не увенчался успехом, а начальство настаивало — ищите любые возможности. Оказалось, что это давление на наше начальство исходило из Москвы, причем в категоричной форме, как будто без нашего АМСГ нельзя открывать аэропорт в Охотске. Все было поставлено на контроль.

Наконец, Саша нашел «выход». 4 декабря в Нагаево шел пароход «Дальстрой», доставлявший в Магадан (Колыма) вольнонаемных и заключенных. Однако серьезно никто не думал, что Охотск находится от Магадана на приличном расстоянии — 700–800 км. Как будут смельчаки преодолевать это расстояние, никому и в голову не приходило. Важно, чтобы перед Москвой задание было выполнено.

Во время плавания от пролива Лаперуза до Нагаево пароход сопровождал жестокий шторм, но в Нагаево прибыли живы и здоровы. Среди прибывших пассажиров, набранных по найму на работу на Колыму мы были чужаками и толком не знали, куда и как нам дальше податься. Приняли решение — куда все, туда и мы. Всех привезли в пос. Марчекан, в 10 км от Магадана. Зарегистрировали завербованных и нас тоже и предоставили места в некомфортном бараке. Когда нас спрашивали, кто мы, куда и когда намерены уезжать, отвечали — спецкомандирование в Охотск через Магадан.

По мере того как мы освоились с обстановкой, начали зондировать исторические аналоги путешествий на собаках из Магадана в Охотск. Оказалось, что текущее поколение таких случаев не припомнит. Саша выехал в два населенных пункта Тауйск и Армань, где узнал, что лет двадцать тому назад покойный Шахурдин водил какую-то экспедицию в Охотск. Дальнейшие расспросы навели даже на одного из участников этой экспедиции. Путем многоступенчатых переговоров с властями, будущими каюрами и проводником удалось договориться о деталях предстоящей экспедиции. Для доставки нас троих и груза проводник выделяет четыре нарты с упряжками по 18 собак в каждой нарте, трех каюров. Каюром на четвертой нарте будет кто-то из нас. Нас беспокоил проводник — фамилия его Шахурдин. При уточнении маршрута он настолько неуверенно о нем рассказывал, что более опытные люди, чем мы, вряд ли рискнули бы ехать в январе — феврале в такой рискованный путь по бездорожью, но нам эта неопределенность настолько надоела, что мы его вариант взяли за основу, а другого и не было. Начались длительные и конкретные переговоры.

Два дня проводник со своей братией (в деревне половина Шахурдиных) обсуждали этот вопрос без нас. И когда объявили свое решение, мы, даже неопытные в подобных делах, ахнули. Как я уже говорил, четыре нарты по 18–20 собак, по две сухих рыбыны на собаку в день (на 20 дней), нерпичье сало, продукты и другой скарб. И за все это четыре тысячи рублей. Для того времени это были большие деньги. Элементарные подсчеты не убедили, что цена завышена, в противном случае они ехать не соглашались. Когда мы сообщили во Владивосток подробности наших переговоров, Владивосток, на удивление, без возражения согласился: заключайте официально договор — такой был ответ.

Договор был заключен, начались сборы, каюры с проводником — по своей части, мы — по своей — одежде и продуктам. По прикидке расстояние в 700 км мы должны пройти за 20 дней, по 30–35 км за день. Нам они дали теплую одежду, торбоза, кукули (спальные мешки). Наконец, сборы закончены, назначен день отъезда. В день отъезда в селе Армань собралось полдеревни, каюры выстроили нарты в ряд, взмахнули остолами, прокричали фук-фук, тах-тах, упряжки с лаем и визгом в настроении подхва-

тили нарты и мы двинулись в неизведанный путь. Я согласился ехать на четвертой нарте, а до этого проводник обучил меня нехитрой премудрости управлять собачьей упряжкой. На всем протяжении пути каюрил я нормально и даже сдружился с вожаком, иногда тайком его подкармливал.

До начала этой эпопеи я не представлял себе, да и как-то не задумывался о предстоящих опасностях, лишениях, ведь это север с его капризами, а ведь наш путь представлял обширные пространства, бездорожье, отсутствие населенных пунктов. Проводника мы звали Шахурдин или профессор, и он этим гордился. Мы узнали, что он учился в институте Народов Севера. Он, конечно, знал больше своих сородичей и старался этим блеснуть, особенно после того, как немного хватит спиртного.

Погода в это время стояла морозная, крепкий устойчивый ветер бил в лицо, приходилось часто отворачиваться, менять положение, соскакивать с нарты, бежать рядом, держась рукой за срединную дугу нарты. Как только передняя нарта двинется, собаки на других нартах нетерпеливо скулят, нервничают и даже без команды с шумом и воем несутся вперед. Особенно трудно справляться с упряжкой. Попадись недалеко заяц, свинья или другая живность, они не слушаются никакой команды, несутся вперед за добычей, а это часто кончается тем, что упряжка перепутается между деревьями или на заборе в населенном пункте. Помню, как сейчас, я очень волновался: а как поведут себя собаки с незнакомым им каюром, что я должен буду делать в первые минуты, как только тронется нарта. Но мне не пришлось ничего и делать. Я свалился на нарту, схватился за дугу и успокоился, вожак сам знал, что ему надо догнать вперед ушедшую нарту. Моя нарта была второй. Собаки взяли приличный ритм, и мне стало даже весело.

Весь первый день мы ехали по накатанной дороге, по которой местные жители ездили на охоту, поэтому проблем практически не было. Быстрая и спокойная езда даже доставляла удовольствие. Время от времени нас обгоняли нарты охотников или, наоборот, мы обгоняли, тут надо быть настороже: потяг собак может кинуться друг на друга, сцепятся и будут злобно грызть друг друга. Растащить их целая проблема. Со мной такого случая не было, я предпочитал останавливаться и даже сворачивал в сторону.

За день мы проехали несколько зимовий, в которых охотники останавливались на ночлег, а к вечеру подъехали к последнему на нашем пути зимовью, где и заночевали. Эта ночь прошла благополучно, здесь была печка. С вечера хорошо натопили, поужинали и подвели итоги езды за день, они были неплохими. Утром наш проводник рано поднял свою команду. Каюры покормили собак, и мы двинулись дальше в неизвестность уже по бездорожью.

После ночлега в зимовке вечером остановились в густом ельнике. Наш проводник распределил всем обязанности: каюры кормят собак, размещают их, проверяют лапы каждой собаки и, если есть какие-либо повреждения, надевают ранее заготовленные мешочки. Вечером дают корм — одна сухая рыбина (юкола) и кусочек нерпичьего сала. Собаки за этой процедурой следят с таким подвыванием и просящим взглядом, дожидаясь своей очереди, что, кажется, закричат: “да поскорее же ты, человек”! Получив юколу, собаки в считанные секунды с ней расправляются и снова с еще большим нетерпением ждут милости от человека, но человек неумолим. По второму заходу человек раздает по кусочку сала. На этом долгожданный ужин заканчивается. Мне кажется, собаки эту процедуру усвоили и, свернувшись, засыпают.

Затем двое каюров устанавливают палатку, разгребая снег до земли. Наша задача — нарубить ельник или стланник для застилки пола в палатке, застелить шкурами, занести всю одежду и продукты для ужина. Проводник устанавливает небольшую печку, выводит трубу и затапливает печку, готовит ужин. Надо сказать, что в дорогу мы набрали отменные продукты в достаточном количестве и ассортименте, особенно кетовые балыки. При таких деликатесах да еще и с устатку Саша не скупился и на 100 г спирта. Этот приоритет был за нашим начальником АМСГ Сашей Белым. Этот бальзам согревал нас, развязывал наши языки, приводил нас в прекрасное настроение, и мы забывали дневные невзгоды нашего непонятого пути. Мы как-то быстро сдружились, объединенные единой целью — движением в неизвестность. Наш проводник вечером, подводя итоги дневного пути, говаривал: “проехали мало” — и затем произносил одну и ту же фразу, услышанную когда учился в институте Народов Севера, — “промедление смерти подобно”. Мы в начале посмеивались, а когда он об этом забывал, мы ему напомина-

ли. Так каждый вечер, когда все обговорено, мы залазили в кукули, раздевались почти до нижней одежды, укладывались спать, температура при этом была нормальная, зато утром она падала до минус 5–10 °С.

Первым никто не хотел вылезать из своего теплого убежища, приходилось устанавливать очередь растапливать печку. Каюры, естественно, поднимались первыми, готовили собак, затем мы быстро завтракали и трогались в путь. И так почти каждый день.

Из расчета проводника: в первый и второй дни маршрут идет параллельно вдоль береговой полосе моря, затем поворачивает на запад вглубь леса, и к вечеру мы должны достичь ярангу одного охотника-отшельника с семьей, кочующего и промышляющего охотой, затем через 5–6 дней мы должны выехать на реку Кава, которая ориентировочно в 50–70 км от береговой черты протекает на юг, с постепенным отклонением к западу, но совпадает с направлением нашего пути на Охотск. Ехать по реке по льду или неглубокому снегу будет легко, и мы за день пройдем приличное расстояние. Через несколько дней езды там, где река круто сворачивает на запад, наша кавалькада выезжает из реки и берет направление на юг с небольшой восточной составляющей по глубокому снегу и густому лесу. По этому маршруту предстояло перевалить два хребта, тянущиеся с запада на восток, без каких-либо ориентиров. Второй перевал, если мы его достигнем, в какой-то степени уже мог служить нам указателем, что мы движемся в правильном направлении на Охотск, хотя отсюда до Охотска было еще далеко — такова была прикидка общего маршрута.

А на повестке дня была проза повседневных дел. Эйфория, что мы своего добились, что едем к заветной цели с последующим открытием АМСГ, постепенно сменилась чувством реальности холода, усталости и неизвестности конца пути.

Хотя мы ехали не одни, а с людьми, привыкшими к таким условиям жизни, все равно мы чувствовали себя некомфортно: одеты мы были сравнительно легко, а целый день на морозе — мерзли, давала знать о себе усталость, так как часто приходилось соскакивать с нарт и бежать рядом, чтобы согреться, теща себя мечтой — скорее бы вечер и отдых. Я как-то дорожные тяготы переносил терпимо, а вот Коля Петров сидел на нартах нахохлившись и неохотно реагировал на наши шутки, донимавшие его одним анекдотом. Сын пишет: “Милые родители, денег не дадите ли? Жив, здоров, Никодим Петров”. Родители отвечают: “Милый Никодим, денег не дадим. Живы, здоровы, родители Петровы”.

Я настолько освоился с обязанностями каюра, что наш проводник доверял мне упряжку как настоящему каюру, хотя делал это напрасно. Я уже на самом деле управлял упряжкой нормально, и никто не обращал внимания, если я оказывался в хвосте кавалькады, а упряжки могли двигаться друг от друга на приличном расстоянии. Вот в одной из таких ситуаций я попал впросак. Я слез с нарты и решил погреться, пропустив нарту вперед, не обращая внимания, что от нарты я отстаю. Я убыстрил бег, а собаки как бы почувствовали, что они без каюра, рванули вперед. Несколько минут я еще подавал какие-то команды остановиться, умолял, но бесполезно. Похоже им доставляло удовольствие ехать без хозяина нарты. Впереди едущую нарту я не видел. Какой позор перед руководством “трансколымско-охотской” экспедиции — потерять упряжку собак, позволить собакам сбежать от каюра. Я чуть не заплакал от стыда и горя, но ситуация наяву — шагай, дружище, по следу убежавшей собачьей упряжки. Стал прикидывать возможные варианты: собаки идут по следу впереди ушедших нарт, это не так страшно; рано или поздно они догонят впереди идущую нарту Попова из Армани; он еще издали увидит идущую за ним мою упряжку без каюра на нарте; “куккуме” — вскрикнет он, протерев заиндедевские глаза и не поверив в то, что он увидит, остановит свою нарту и, привязав упряжку к дереву, пойдет встречать нежданных гостей без седока на нарте. Еще он мог подумать: я уснул и свалился, пока выкарабкался из снега, нарта ушла. Что-нибудь худшее — вряд ли, и он пойдет мне навстречу. Так и случилось. Когда через полчаса мы встретились, я настолько обессилел, что еле плелся по глубокому снегу. Увидев меня в таком виде, он рассмеялся и сказал: однако, парень, тебе жарко, снимай кухлянку, иначе тебе своих собак не догнать. Мне тогда было не до шуток. Я сел на снег, он — рядом со мной, немного отдохнули и пошли обратно. Еще издали мы увидели стоявшие с проводником нарты.

Начались расспросы, а когда узнали, что случилось, кто смеялся, кто только посмеивался, но в целом отреагировали с пониманием — с кем не бывает.

Вечером даже подняли кружки за несостоявшегося каюра, при этом наш проводник воспользовался случаем, прочитал путанную лекцию, как стать каюром.

В один из дней нашего путешествия нас накрыл циклон, так определил синоптик Саша Белый, — причем очень мощный. Небо помутнело, как перед грозой, словно глухой вздох пронесся по лесу, пошел снег, зашуршали, зашевелились хвосты поземки. Еще утром собаки вели себя нервно, рычали друг на друга, старались сцепиться в грызне. Каюры их били ремнями, потому что знали их потасовки. Эти признаки поведения собак говорили об изменении и ухудшении погоды. Антициклоническая ясная, морозная погода сменилась потеплением, все шло к тому, что нам предстояло встретиться с сильной пургой, к вечеру пошел снег с сильным ветром. Мы заранее выбрали удобное и защищенное место, начали заготавливать дрова минимум на 2–3 дня. Соорудили защиту для собак, закрепили палатку. Ухудшение погоды не заставило себя ждать — пошло кружить, вертеть, нахлестывать, трудно было понять, с неба сыплется снег или его швыряет с земли в небо: на нас обрушилась непроглядная снеговая стена. Палатку трясло, крутило и колотило, вот-вот сорвет. И даже промелькнула мысль, а вдруг в самом деле сорвет палатку, где искать убежище? Пока заканчивали приготовления, одежда наша заиндевела, в почти полной темноте люди ворочались в снежной пене пурги словно сказочные призраки. Собаки свернулись в кольцо, не подавая признаков жизни. Для них это не в первой, и они знают, как вести себя в ненастье. Под снегом тепло и никаких проблем, зато проблемы у каюров. Собак может занести метровым слоем снега. Каюры время от времени их вытаскивают на поверхность, и такая процедура повторяется до конца пурги, в противном случае уже через несколько часов пурги вы и места не найдете, где ваши собаки. Наш проводник следил за всем, что творилось вокруг, я было попытался ухаживать за своими собаками, но каюры рассмеялись и показали пальцем на вход в палатку.

Через какое-то время, особенно мы, немного освоились с обстановкой и стали готовиться к ужину. Саша Белый прекрасно управлялся с кухней, приготовил по случаю такого неординарного события, как пурга, торжественный ужин и даже раздобылся, выдал нам по порции согревающего бальзама, и под вой пурги за здоровье свое и собак отметили это событие песнями, даже запел наш проводник — “выпрягайте, хлопцы, кони”. Обстановка была такая веселая, что если бы кто мог посмотреть на нас со стороны, при такой погоде, то, наверное, засомневался бы: все ли с нами в порядке. Так мы колготились до полуночи, а затем в хорошем настроении залезли в свои кукули и под вой пурги уснули праведниками.

Пурга продолжалась с прежней силой и на второй день, мы начали входить в ее ритм, и, чтобы не заблудиться выходящим из палатки, скорее не выходящим, а выползающим, в порядке страховки место стоянки было обтянуто веревкой, за границу которой нельзя было выходить, чтобы не потеряться. Я не знаю, как это случилось, но в очередное вызволение собак из-под снега одна оказалась без привязи. В мгновение ока она юркнула от каюра во мглу пурги, больше мы ее не видели. Это была первая наша потеря.

На третий день утром пурга начала утихать, появились просветы в облаках, ветер повернул с севера, улучшилась видимость. Когда мы вылезли из палатки на свет и посмотрели на окружающую нас обстановку, все изменилось до неузнаваемости. Стойбище представляло собой совершенно ровную площадку, занесенную снегом двухметровой толщины. Палатка вообще была полностью погребена под толщей снега, что доставило нам немало хлопот ее откопать.

К обеду со всеми проблемами мы справились и тронулись в путь. Первые километры были очень тяжелыми, особенно для собак в условиях свежего рыхлого снега. К тому же как в первый день, так и во второй установился мороз до 30–35 °С, ветер продувал нашу одежку до костей, постоянно приходилось самим тянуть или подталкивать нарты, пот заливал глаза, к вечеру все мы уставали, ломило ноги, руки и все тело. Вечером залазили в кукуль, на какой бок ложились вечером — на том и просыпались утром. Это было нашим испытанием.

Следующая наша проблема была выйти на стойбище охотника-отшельника. Это в какой-то степени подтвердило бы правильность нашего пути. И когда в один из дней проводник обнаружил следы лыж, он с большей уверенностью повел нас к стойбищу. Новые следы появлялись все чаще и чаще, и только проводнику было известно, какие следы ведут к стойбищу. В конце концов мы все же вышли к стойбищу и увидели ярангу, вокруг бегали дети, собаки встретили нас таким злобным лаем, будто появился медведь. Хозяин был дома и, когда увидел приближающиеся упряжки, явно оказался в недоумении, мысли у него были разные, вернулся в ярангу, взял винчестер и внимательно следил за нашим приближением. Проводник еще издали начал подавать только им известные знаки, и мирная встреча состоялась. После обмена любезностями и новостями хозяин пригласил нас в ярангу. С островерхой крышей она представляла собой круглый каркас, обтянутый шкурами, с дырой сверху для выхода дыма от очага костра, разведенного внутри. Внутренний диаметр яранги 7–8 м. Посредине тлел костер, вокруг — постели из оленьих и собачьих шкур. Хозяин усадил нас вокруг очага и любезно стал угощать каким-то мясом и кусочками нерпичьего сала. Мясо я еще как-то пытался жевать, а вот сало, да еще с запахом какой-то ворвани — вы меня извините. Я не знал, что мне делать, мучился и нашел выход: у меня от дыма заслезились глаза, я демонстративно начал их потирать и вышел с этим салом из яранги.

Долго здесь мы не задержались, проводник получил от хозяина консультацию, и мы двинулись вперед, тем более что снег несколько уплотнился и ехать стало легче и быстрее.

Но впереди нас ожидали новые проблемы: перевал через хребет — горы тянулись с запада на восток, к побережью Охотского моря. Ни обойти, ни объехать хребет невозможно, его нужно перевалить. Высоту хребта не помню, но где-то до 1000 м над уровнем моря. На третий день после стойбища мы подошли к подножью первого хребта. В начале подъем был сравнительно пологим и трудностей мы не ощущали. Это мы, а собаки, как только нарты останавливались на кратковременный отдых сразу же ложились на снег, скорость нашего движения из-за этого заметно снизилась, нам уже приходилось помогать упряжкам и даже тащить нарты на себе.

По мере приближения к вершине хребта собаки выбивались из сил, падали в изнеможении, не хотели вставать при кратковременном отдыхе. Преодолевая каждый день нелегкий путь, мы приближались к заветной вершине, но при этом рисковали загнать упряжки и остаться без собак.

Было принято решение остановиться на отдых, так как в одной из упряжек собака не могла уже встать, такую собаку каюр добывал остолом по голове; странно, но оставлять полуживую собаку за тридевять земель от жилья не заведено.

Вершина хребта устроила нам сюрприз: левая сторона предполагаемого спуска в пределах видимости обрывисто спускалась вниз, а правая — голая, скалистая вершина. Проводник решил ехать под этой вершиной в надежде выйти на самый верх. Однако граница спуска прижимала нас к скале, и в результате мы оказались в тупике. Другого выхода не было, пришлось километров 10 возвращаться обратно. К вечеру по другому маршруту с трудом выбрались на вершину хребта. Мы в очередной раз установили палатку, растопили печку, поужинали, легли спать и спали сном младенца. Очередным растапливать печку должен был Саша, но слышим его голос: я прошу помощи, мои волосы на голове примерзли к стенке палатки. Мы, конечно, развеселились этим происшествием, каждый предлагал ему свои услуги. Каюр из Армани успокоил Сашу и предложил свой вариант: ты лежи, я растоплю за тебя печку, приду к тебе с горячей головешкой и оттаю твою голову. Все дружно встали, в настроении позавтракали и настроились на спуск. С первых метров спуска мы уже почувствовали, что спуск будет тоже не легче подъема. Дело в том, что надо было постоянно сдерживать остолом легко скользящие нарты. Кроме того, непонятно повели себя собаки. Почувствовав легкость скользящих нарт, они с удвоенной, утроенной силой тянули нарты, а те собаки, которые чуть не падали на подъеме от усталости, тянули больше всех, как будто пытались оправдаться перед нами.

Спускались мы без проблем. У всех нас появилось хорошее настроение: идем в правильном направлении, справились в основном с возникающими трудностями, и, наконец, появился свет в туннели — конец нашего непонятого путешествия.

По мере приближения к Охотску стали появляться и деловые разговоры: мы спрашивали проводника, почему по договору должны были взять такое количество юколы для собак, а взяли меньше половины? Проводник отвечал: мы вас везем? Везем. И свой вопрос: а деньги будут перечислены в Охотск? Больше эти вопросы не возобновлялись, так как обе стороны были довольны предстоящим исходом нашего путешествия.

Второй перевал хребта был ниже первого, и перевалили его довольно спокойно. С вершины перевала мы уже хотя не зрительно, но умозрительно “видели” Охотск. До Охотска оставалось каких-то 150 км — это для нас уже было не расстояние. В своем движении вначале по реке мы в значительной мере отделились от береговой черты к западу, поэтому при спуске со второго хребта мы взяли направление к береговой черте, к морю, где к северу от Охотска должен быть крупный по тем местам населенный пункт Иня. Где-то на восемнадцатые или двадцатые сутки мы выехали к береговой черте в 10 км от поселка Иня. Здесь уже по наезженной дороге к полудню мы лихо промчались на четырех нартах по главной улице поселка. Собаки почувствовали близкий конец нелегкого пути, неслись с большой скоростью, с визгом и шумом, пытаясь обогнать друг друга.

Как обычно, в таких тихих и забытых Богом населенных пунктах приезд необычного каравана нарт вызвал неподдельный интерес людей поселка. Через полчаса нас окружили уже все жители селения.

Председатель поссовета вначале как-то с недоверием отнесся к таким далеким и неожиданным гостям, такого в его практике еще не было. В помещении набилось столько любопытных с расспросами: как ехали, неужели с Колымы и т. д. И, наконец, когда все выговорилось, начался деловой разговор. Саша договорился о ночлеге, пополнении корма для собак и прочих проблемах. Постепенно установилось взаимное доверие. Мы разместились в здании клуба.

Вечером Саша, Коля и я запаслись соответствующими продуктами, сделали визит к председателю домой. Он жил в нормальном, на наш взгляд, бревенчатом доме с нехитрой обстановкой. Нас встретила его жена; две девочки сидели за столом, делали уроки. Через несколько минут пришел хозяин. Мы с ним познакомились поближе, он — якут, звать его Яков, но его все называли Яков. Несколько лет тому назад он жил за хребтом Джугжур, где занимался оленеводством, затем из-за ряда неприятностей переехал на побережье. Здесь все занимаются рыболовством и как подсобным промыслом — охотой. Затем его избрали председателем Совета. Жизнь здесь он доволен. Летом лов и заготовка рыбы. Поселок живет тихой размеренной жизнью.

К вечеру следующего дня по береговой подошве льда мы подъехали к Охотску. Это уже был по тем местам и временам город, хотя и не двухэтажный, но с более капитальными современными постройками. Город стоял на морской гальке на слиянии двух довольно крупных рек — Охота и Кухтуй. Здесь мы уже твердо знали: нам нужен аэропорт. Но, к сожалению, аэропорта в Охотске еще не было. В устье реки Кухтуй был только дом, построенный ГВФ в 3–5 км от города. Язык до Киева доведет, нас довел до дома ГВФ. Дом стоял посередине косы. С одной стороны берег моря, с другой — берег р. Кухтуй. Дом выглядел вполне прилично, стандартный для аэропортов и крупных населенных пунктов, куда иногда залетают самолеты. В доме жил сам начальник аэропорта. Когда мы представились и отрекомендовались, кто мы такие и зачем мы здесь появились, он выразил удивление и сказал, что в Охотске аэропорта нет, самолеты здесь бывают случайно и садятся либо на реке (гидросамолеты), либо на посадочной полосе в 20 км от Охотска. На наш вопрос, зачем же мы в такую даль ехали, он нам ответил, что тоже хотел бы знать зачем мы сюда приехали и кто нас сюда послал. Разговор был патовый. После обсуждения сложившейся ситуации стали задавать вопросы о повседневных делах. Начальник несуществующего аэропорта предоставил нам комнату для жилья, каюров с собаками разместил в пристройке.

На первых порах мы и наши спутники отдохнули, привели себя в порядок, сообщили во Владивосток о благоприятном прибытии в Охотск и просили выслать деньги для расчета с каюрами. К счастью, этот вопрос быстро разрешился, и каюры двинулись в обратный путь.

Эпопея нашего путешествия сложилась, как видим, из двух этапов: первый этап — на чем уехать в Охотск из Магадана; второй этап — что нам делать в Охотске, куда мы так стремились. На второй вопрос мы ответ не получили ни в Охотске, ни из Владивостока. Оказавшись в такой ситуации, мы выбрали ничейный вариант. Спешить нам было уже некуда, мы приехали туда, куда так стремились, обжились, побывали на Охотской метеостанции, задействовали нехитрую аппаратуру по приему метеорологических сводок, начали составлять синоптические карты и даже давать никому не нужные прогнозы погоды. Одновременно подробно информировали Владивосток об истинном положении дел с открытием в Охотске аэропорта. Саша Белый набрался даже смелости послать обстоятельную телеграмму Молокову — начальнику ГВФ Союза.

Ответа долго не было ни из Владивостока, ни из Москвы. Слава Богу, зарплату присылали регулярно. На этом мы окончательно успокоились, жили жизнью свободных художников, а вечерами даже стали ходить в клуб на танцы.

К весне, а это было в 1939 г., в нашу неопределенность некоторую ясность внесла телеграмма из Владивостока о том, что в Охотске аэропорт строиться не будет, планируется строительство гидропорта в пос. Аян. Это где-то 1500 км южнее Охотска. Не исключено, что открытие АМСГ будет перенесено в Аян, а через какое-то время последовало распоряжение переехать в Аян.

Дождались лета. Хотя и редко, в Охотске стали появляться самолеты, и мы спокойно перебрались в Аян. В Аяне никакого сухопутного аэродрома нет.

В Аяне нас встретил начальник метеостанции А. В. Белогорцев. Пожалуй, этим можно было бы закончить мое знакомство с гидрометеорологической службой. Но пока единственное, чему я научился в гидрометслужбе, — это основательно управлять собачьей упряжкой и познакомился с северной тайгой.

Метеостанция Аян располагалась в центре поселка в довольно большом доме, очень похожем на дом ГВФ в Охотске, сравнительно недалеко от красивой со всех сторон закрытой горами бухты. В Аяне ситуация оказалась несколько схожей с охотской. Никакого гидропорта не существовало. Однако что-то затевалось: в юго-западной части бухты строились небольшие хозяйственно-технические сооружения, но не больше. Белогорцев добился у Владивостока зачисление меня и Николая в штат метеонаблюдателями, где я действительно прошел хорошую школу по этой специальности.

Как мне кажется, А. В. Белогорцев в это время получил задание по изучению гидрологического режима бухты в связи со строительством гидропорта. В зимний период мы проводили гидрологические разрезы в разных направлениях бухты с наблюдениями за толщиной льда, его нарастанием, за солоностью и плотностью морской воды. Особенно важными характеристиками являлись приливно-отливные явления. Для этого необходимо было установить мареограф, но в условиях и возможностях метеостанции эта мечта была не только трудна, но практически неосуществима. Но Белогорцев решил ее осуществить. Трудности заключались еще и в том, что амплитуда приливно-отливных явлений достигала в бухте свыше 3 метров. В этих условиях на берегу необходимо было вырыть колодец как минимум на такую же глубину, да еще в гальке, где через каждые 6 часов прилив-отлив заливал этот участок. Было принято решение рыть колодец зимой путем вымораживания. Это была адская и в то же время ювелирная работа. Проходить надо вглубь не больше нескольких сантиметров, дать замерзнуть грунту и повторять эти сантиметры снова, в противном случае фильтрация воды через гальку зальет колодец при приливе. Такое случилось, когда уже была глубина около двух метров. И все же при настойчивости Белогорцева общими усилиями колодец был вырыт, мареограф установлен, какие-то данные были получены, имея в виду, что эти данные — единственные на всем побережье Охотского моря. Фильтрация воды при приливах вносила некоторое искажение в общую картину приливо-отливных явлений, для устранения которых требовались капитальные работы, а в это время была зима 1940–1941 г.

К весне 1941 г. для “адвенчера” появилась новая альтернатива — на побережье между Охотском и Аяном три года назад была открыта новая метеостанция — Ханянгда (мыс Ханянгда). Но по какой-то причине (по-видимому, неподходящее место) станцию открыли недалеко от мыса Энкан — это пересечение 140-го меридиана береговой черты моря. Станцию продолжали именовать как Ханянгда. Набрался новый штат станции (правильнее — зимовщиков). Безусловно, “адвенчер” не упустил такой возможности, несмотря на то, что станция удалена от населенных пунктов более чем на 300 км к северу и югу. Смена зимовщиков проводилась через три года. И новому составу из четырех человек предстояло прожить этот срок без перспективы общения с людьми. Никто не занимался вопросами подбора людей по совместимости характеров. Практически это выглядело так. Поедешь? Да! Зачислен. Начальником был назначен Алексей Савушкин, работавший на метеостанции Аян старшим метеонаблюдателем, я был метеонаблюдателем, радистом — совершенно никому неизвестный Николай Белявский, еще одного метеонаблюдателя должна была доставить из Владивостока инспекторская шхуна.

Необходимое дополнительное оборудование для станции частично было взято у А. В. Белогорцева, что-то закуплено на месте. Продукты на три года должна доставлять в июле — августе инспекторская шхуна.

Практически в мае 1941 г. мы были готовы, но ждали попутной шхуны из Аяна в Охотск, выход которой задерживался из-за ледовой обстановки в этом районе. Наконец, где-то в десятых числах июня 1941 г. нас высадили на станцию Ханянгда.

Через неделю эта же шхуна возвращалась из Охотска в Аян, забрала старых зимовщиков, и мы остались одни. Началась новая для нас жизнь. С тех пор прошли годы, многое забыто, драматические события пережиты, но за эти три года пережитое осталось у меня на всю жизнь светлым пятном и лучшими годами прожитой жизни.

В августе на шхуне прибыл четвертый коллега — Никита Дмитров. Доставили нам продукты, и наш маленький мирок, оторванный со всех сторон от людей, зажил своей жизнью со всеми человеческими страстями и даже удовольствиями.

Ландшафт местности в целом был благоприятным с почти полуоткрытым заливом, который был защищен от северо-востока мысом Энкан, простиравшимся с западной стороны от высоких гор, протянувшихся полукругом на 30–40 км от станции.

Второй особенностью ландшафта, безусловно, была река Кекра, образующая обширную долину к западу от береговой черты. Устье отстояло от станции на 500 м. Станция располагалась на расстоянии 150 м от берега моря на крутоприподнятом выступе, покрытом лесом преимущественно лиственных пород. На этом выступе в открытой его части были установлены приборы метеостанции, в 30 м к западу от метеоплощадки два круглых полярных дома конструкции Свинина, соединенных между собой коридором. Один дом использовался для жилья и служил рабочей комнатой с приборами метеостанции. Другой использовался в качестве подсобного для хозяйственных нужд и радиостанции. Комнаты разделены сегментными фанерными перегородками. В центре — чугунная плита, на которой готовили пищу и обогревались. Во втором доме из привезенных кирпичей выложена невысокая длинная печь для выпечки хлеба.

Метеоплощадка была оборудована двумя психрометрическими будками для приборов и самописцев, флюгером, нефоскопом, дождемером, гелиографом, напочвенными термометрами. В помещении располагались ртутный барометр, барометр-анероид, самописец давления. Метеорологические наблюдения производились по программе метеостанции второго разряда. Прибрежные морские наблюдения проводились над температурой морской воды, волнением, ледовой обстановкой (зимой), отбирались пробы воды на соленость.

Наблюдения производились четыре раза в сутки: 00, 07, 12 и 19 ч среднего солнечного времени, составлялись метеосводки, которые и передавались по радиосвязи в центр. Наш распорядок жизни установился как-то сам собой. Дежурный метеонаблюдатель вел наблюдения по программе, готовил пищу (меню по своему усмотрению), кормил три раза в день, убирал в доме, топил печь, содержал в чистоте столовую часть. Хлеб выпекали поочередно по мере надобности.

Радиостанция состояла из передатчика КН-003, приемника и моторной части. Причем техника была на уровне “фантастики”. Включенный передатчик вначале надо стукнуть кулаком в один угол, затем в другой, может быть, и повторить, если стрелка прибора не покажет, что передатчик готов. Как ни странно, но в таком режиме он проработал все три года.

Считаю важным отметить одну немаловажную деталь из жизни наших курильщиков. Дело в том, что в проблеме с куревом в какой-то степени виновником являюсь и я. В доме на метеостанции Аян нас жило пятеро юношей, и все прилично курили. При этом завели дурацкую привычку: дежурному метеонаблюдателю рано утром разносить юношам прикуренные папиросы, и все всегда были довольны этим. В один из дней один юноша (а это был я) смело заявил: я бросил курить. Вначале это заявление приняли на смех, а я в амбицию — не курю день, два, а потом и в самом деле поверил себе, что курить я бросил. И юноши, глядя на меня, поверили, что бросить курить не так уж сложно. И это была трагическая ошибка в нашей трехлетней жизни. Первая ошибка — они поверили в мои “теоретические” рассуждения. Мы уезжали на зимовку весной, когда любое курево можно было закупить хоть на всю жизнь. Но я их убедил взять курево только на период, пока старые зимовщики не уедут. Уедут — докурите остатки и бросите курить. Моя логика оказалась убедительной, ребята так и поступили. Прожили мы неделю после отъезда ребят — парни все еще продолжали докуривать свои запасы. Однажды я им снова даю дельный совет: бросайте курить, в ответ — вот докурим и бросим, я им снова: а зачем докуривать, давайте ваши запасы, я сожгу. Они на это согласились. Я старательно вывернул все их карманы и курево сжег. Сначала реакция была более чем веселая, мы в это время строили баню, ребята в приподнятом настроении, что так легко все обошлось с куревом, даже пели песни собственного сочинения. Но ближе к обеду настроение стало меняться, а после обеда все притихли, и поведение их в отличие от предыдущих дней стало совсем другим. Обычно после обеда закрутят по закрутке махорки, ложатся на кровати и блаженно дымят. А тут разошлись по своим уголкам и молча, украдкой разыскивали на помойках окурки. Утром задаю вопрос о самочувствии, ответы были невнятными. Идем работать на баню. Рано или поздно все стало на круги своя. Как бы ни ухитрились втихаря где-то и чем-то подымить, все перешло в открытую, а проблема закурить стала важнее, чем покушать. Решалась эта проблема по-разному. В начале нарезали трубки и курили. Разумеется, очистили территорию от окурков, затем случайно открыли клад: в щелях пола много рассыпанной махорки, но ее трудно было извлекать. Никита первым усовершенствовал этот процесс. Он брал лупу, иголку и с помощью этих нехитрых инструментов через час мог насладиться плодами своего труда. Это отнимало настолько много времени, что строительство бани сильно затормозилось. И эта проблема не была решена в течение всех трех лет. Время от времени разными путями нам доставляли махорку (война, ее использование стало нормой), а чтобы растянуть удовольствие, я брал гильзы от ружья, набивал махоркой, забивал пыж, выходил за дом и в разных направлениях разбрасывал эти патроны в лес; при этом единственной просьбой от моих клиентов было точно сказать, сколько было патронов. И постепенно все патроны находились, при этом применялись различные методы поиска, вплоть до использования тригонометрических функций.

Таким образом, жизнь наша на зимовке складывалась по-разному. Все мы молодые, без достаточного жизненного опыта, разные по характеру, сдержанности друг к другу. Можно считать, что жили в экстремальных условиях и все же прожили сравнительно без серьезных потерь, возникавшие трудности преодолели вполне достойно.

Мне помнится, я где-то прочитал об одном случае, происшедшем на зимовке в Заполярье. Их было трое или четверо, на третьем году жизни психологические отношения между ними настолько обострились, что месяцами не общались друг с другом и коротали свою жизнь в гордом одиночестве. И вот одному из них повезло, он подружился с невесть откуда появившейся мухой у его окна. Он ее подкармливал, разговаривал с ней и был жизнью доволен. Его сосед позавидовал его “счастью” и убил эту муху. Наступила развязка — хозяин мухи застрелил позавидовавшего его “счастью”.

Я много думал об этом и пришел к выводу: в подобных жизненных ситуациях все свободное время надо чем-то занимать, ни в коем случае нельзя допустить обломовщины. Я с полной отдачей сил стал заниматься охотой, хотя до этого не стрелял из нарезного оружия вообще, а в конце зимовки стал даже чуть ли не знаменитым охотником. На зимовке нас четверо, жизненный багаж невелик, определились приоритеты, кто к чему склонен. Мы трое — Алексей, Николай и я — увлекались охотой, хотя Николай быстро охладел к этому. Никита за три года ни разу не выстрелил из ружья и сказал, что будет делать все кроме охоты.

Постепенно исследовали окружающие нас уголья природы, они оказались богатыми, но их надо было разумно использовать. Вокруг не тронутые человеком леса и животный мир — птицы, зайцы, медведи и другие животные, летом — нерестовый ход рыбы в реке (кета, горбуша), лежбища сивучей, нерп. Если не лениться, с голоду не помрешь, и мы не ленились. И, как говорят, Бог нам послал бесценный дар, в полукилометре от станции на берегу когда-то была японская рыбалка, и нам от нее досталось богатое наследство — соль и клепка для поделки ящиков. Это нам служило неиссякаемым источником как продовольствия, так и хозяйственных поделок. При таком изобилии даров природы мы, естественно, становились охотниками. К сожалению, из оружия мы имели армейский карабин и пятизарядную бердану с ограниченным количеством патронов.

На первых порах мы решили две проблемы: до зимы построили баню по-черному со всеми атрибутами парной и вырыли колодец, чтобы не носить воду из реки. Второе — освоили охоту на медведя, благо летом медведь из тайги выходит к морю.

Строительство бани и колодца мы, хотя и с трудом, закончили. И то и другое было лучшим вкладом в обустройстве нашей жизни и жизни будущих зимовщиков. Любых гостей мы в первую очередь водили в баню и задавали парилку в лучших традициях сибирских бань по-черному.

Описать все перипетии нашей жизни, тем более без дневника, невозможно, хотя и протекала она внешне однообразно. Единственное, что скрашивало будни — охота летом и зимой.

Вместе с работой и строительством мы с Николаем рискнули прогуляться на охоту, да еще на медведя. Николай раньше работал в захребетной местности и, как он говорил, знаком с охотой на медведя. Меня, как подмастерья, это устраивало. Шли мы по береговой открытой полосе. Рыба в этот период еще не шла, и медведь выходил к морю покопаться в приливо-отливной полосе, выискивая мелкую живность.

Еще издали мы заметили медведя, добывавшего такую живность. Было принято решение подняться в лес и со стороны леса стрелять в копошившегося в гальке медведя. Расстояние было не более 70 метров, но по крутому спуску. Николай принял такое решение — расходимся на 15–20 м. Я стреляю первым. Я и выстрелил, медведь закружился, упал, соскочил и по довольно крутому береговому откосу бешеным галопом побежал в нашу сторону. Я запомнил, что выбежал из леса на видное место берега и сделал еще несколько выстрелов в бежавшего медведя. Карабкаясь по откосу, медведь пробежал между мною и Николаем и скрылся в лесу. После такой «охоты» я, только успокоившись, оценил ситуацию. Бог нас спас, а у медведя отнял разум. А ситуация была такая, что наша охота могла быть первой и последней. Позже проанализировал свое поведение: что же я проявил — храбрость или трусость? Похоже, ни то, ни другое. Думаю, что мой «трус» в это время бегал впереди медведя, а может, и позади. Преследовать мы его побоялись. На второй день с собаками нашли мертвым — моя первая пуля попала в легкие, и он задохнулся.

Наступил период рунного хода рыбы. Сейчас не верится, что такое может быть, а было. Рыба шла на нерест, заходила во все ручейки и лагуны реки. Нужна на завтрак икра — дежурный идет на реку, выбывает ногой несколько рыб с икрой, набирает 3–4 кг свежайшей икры и, обработав, подает на стол. Соль от японцев в избытке, рыбу на зиму засаливали, вялили, коптили в неограниченном количестве, а икры заготавливали, как правило, по две бочки по 50 кг и ели не на бутербродах, а ложками.

Через какое-то время научились охотиться на медведей и птиц, зимой на зайцев, создавалось даже впечатление, что мы только этим и занимались. Однако основные наши дела метеорологические выполнялись в лучших традициях метеорологов.

Донимали нас дела кухни, не всегда и не все получалось в приготовлении пищи, то пересол, то невкусно, на что питающаяся публика реагировала по-разному. В начале просто отказывались демонстративно есть, но потом оценивать обеды научились более цивилизованно, на патефоне заводилась музыка, соответствующая качеству приготовленного блюда. Например, вкусному обеду заводили “Арию Периколы”. Это обед высшей похвалы. Обед плохой — звучали куплеты Мефистофеля, совсем несъедобный — ария Мефистофеля. У Никиты обеды всегда получались так себе, и он не обижался, когда мы ему заводили “Утро Грига”. Я не помню, почему укоренилась у нас такая привычка: кто убил птицу или зайца — сам должен представить повару их в обработанном виде и только тогда его величество повар в качестве снисхождения приготовит из него блюдо. Однажды я убил хорошего жирного гуся и, не доверяя повару, запек его в печи, где пекли хлеб, предварительно облепив его тестом и начинив гречневой кашей. Получилось чудо природы и вкуса! Когда чудо оказалось в блюде на столе, моя братия заахала, не зная с какого бока подступиться. Когда этот бок нашли, похвалам не было конца. Такого вкусного блюда и я не ел ни до, ни после. В честь такого события “Ария Периколы” звучала весь день, а в конце дня даже прозвучала песня “Уймите волнения страсти”. Проза повседневных дел преследовала нас постоянно: когда лень мыть посуду после обеда, то открывалась входная дверь и миски, кружки, чайники летели на чердак коридора. Доходило до того, что вся посуда на чердаке. Тогда звучала команда — свистать всех наверх. А это значит — брать мешки, доставать эту посуду и тащить на реку отдраивать ее песком, обнаживая при этом, какой красивый цвет у чайника. А о полах не было и речи. Они не мылись, было “научное” обоснование — полы грязнятся до определенного предела, но были и периоды, причем редкие, когда кто-то к нам жаловал. Тогда устраивался настоящий аврал по всем направлениям. И когда “кто-то” заходил в дом, то хвалил нас за соблюдение санитарных норм (знали бы они, что было вчера!).

Хлеб мы выпекали отличный, каждый из нас танцевал перед печкой, когда хлеб в горячей печи поднимался, и до его готовности не отходил от печки.

И все же серьезные разногласия возникли между Николаем и Алексеем. Дело дошло до того, что Николай пригрозил Алексею, что при встрече в лесу убьет. Это уже было серьезно, не допустить трагическую развязку стало принципиальной задачей. В летний период в 150 км от станции была рыбалка. Этим воспользовались и отправили Николая на эту рыбалку. До этого было какое-то предчувствие. Николай собрал зуммер, ключ, и мы с Алексеем длительное время тренировались на прием и передачу по азбуке Морзе. После отправки Николая это спасло нас от перерыва радиопередач со сводками погоды. После инцидента с Николаем серьезных конфликтов между нами не возникало. Как я уже упоминал, свободное время мы занимались охотой в одиночку или вместе с Алексеем, летом на медведя, зимой на птицу и зайцев.

На медведя охота опасная, особенно в одиночку, и я боялся ходить по лесу без оружия. За все три года мы с Алексеем убили не меньше 15 медведей, и каждый случай был по-своему интересным, а иногда и опасным. Почти в начале приезда на станцию я пошел на охоту с пятизарядной берданой. Шел в лесу по тропе, прикрытой с обеих сторон слойником и неожиданно впереди увидел в десяти метрах морду медведя, промелькнула мысль — рвануть от этой морды, но куда? Я смотрел на нее, медведь на меня. Я-то представлял, кто передо мной, а что медведь представлял, не знаю, во всяком случае, не представлял, что ему от этого существа может быть плохо. В секунду вскинул бердану и, почти не целясь, выстрелил в серое на лбу пятно. Со стопроцентной уверенностью, что медведь убит, стал подходить к тому месту, где стоял медведь. Какое же было мое удивление, когда я убитого медведя не нашел. Похоже, в спешке я промахнулся. Я сразу успокоился, мне даже стало приятно, что все так мирно закончилось. Но возникло чувство досады за такой промах, так бездарно упустить такой момент, ведь не каждый день приходят медведи, чтобы только повидаться с нами. Как бы там ни было, я за эту неудачу не отчаивался, через два часа убил медведя, который, увидев меня, вскарабкался на дерево.

Это было глубокой осенью, по-нашему середина зимы с глубоким снегом. Я решил попытать счастья — пошел на лыжах подальше. Молодость, я так увлекся, что не заметил, как оказался в 20–30 км от

дома. В одном месте в густом ельнике обнаружил лабаз на деревьях, решил передохнуть, поднялся и внутри обнаружил плиту, дрова, настроганную стружку, спички, крупы и другую снедь. Дальше — дальше, я обнаружил завернутый в бересту американский пятизарядный винчестер. Это в свое время американцы привозили в обмен на пушнину. Чей он, кто хозяин винчестера — вопрос без ответа. В свое время властями все оружие у местного населения было изъято, значит, винчестер хранится здесь незаконно. В стране идет война, мы единственные в этих местах, кто сможет противостоять любым случайностям, но закон тайги меня смущал, забрать или не забрать, и я все же винчестер забрал.

Поздно вечером я вернулся домой, показал винчестер, удивлению и вопросам ребят не было конца. Ребята одобрили мой поступок, у нас прибавилось оружие. Эпопея с винчестером закончилась летом, когда к нам прибыл катер пограничной заставы. Мы были им сказочно рады. Когда мы завели их в дом, начальник заставы увидел висевший над кроватью винчестер. Пришлось рассказать правду. Он одобрил наш поступок, а в следующий заход доставил к нему патроны. Один раз мы с Алексеем пошли на охоту, дома надоело молчать, мы так разговорились в пути, что забыли об осторожности, и вдруг в 20 метрах появился из кустов крупный медведь и агрессивно пошел в нашу сторону. Секунды — и залповыми выстрелами медведь убит. Несколько успокоились, подошли к нему, убедились, что он убит, побросали оружие и уселись на медведя. Через несколько минут медведь вздрогнул и начал вставать, мы соскочили от такой неожиданности и заметались в поисках брошенного оружия. Медведь больше вставать не пытался, но мы все же его добились и рассмеялись над своим поведением.

Собаки наши обленились настолько, что однажды медведь подошел к дому и начал хозяйничать над ледником, пытаясь открыть дверь. Никита читал на улице книгу, я делал отсчет по барометру, Алексей был на реке. Никита, услышав лай собак, увидел картину: медведь бросил дверь, уселся и передними лапами отбивался от наседавших на него собак. Прибежав ко мне с испуганным видом, он начал невнятно рассказывать, что случилось. Когда я уяснил, в чем дело, схватил винчестер и устремился к сражавшимся сторонам. Медведь огромными лапами отбивался от собак, остервенело рычал, огрызаясь. Чтобы не поранить собак, я как-то не рассчитал, довольно близко подбежал к сражающимся и выстрелил. Медведь бросил собак и кинулся в мою сторону. Вторым выстрелом я свалил его, но он поднимался, падал и продолжал отбиваться от собак. И только после третьего выстрела в голову медведь свалился замертво. Никита стоял в 50–70 м от нас и наблюдал за сражающимися. Такую картину он видел впервые. Одну собаку медведь покалечил смертельно, пришлось ее пристрелить, да и другие долго зализывали “подарки” медведя.

Как-то мы с Алексеем повздорили, неделю, а может и две, не разговаривали друг с другом. Затем какие-то события принесли в наши отношения потепление и мы решили пойти на охоту вверх по реке. Вокруг хороший обзор и видимость. Незаметно за разговорами подошли к одному острову, покрытому высокими деревьями и травой. В расстоянии 100 м от нас из травы вышла медведица с двумя медвежатами. Мы спрятались за корягу и стали наблюдать за поведением медведицы. Она постояла какое-то время и двинулась в нашу сторону, а медвежата вскарабкались на дерево. Когда оставалось 15 м, мы выстрелили. Раненая медведица быстро скрылась в траве. Наша версия дальнейшего поведения раненой медведицы: она может нас преследовать, дело к вечеру, решили медведицу найти и убить. Выждав какое-то время, мы пошли по ее следу. Я шел первым, пройдя несколько метров, я обнаружил примятый круг травы. Разгребая траву рукой, я понял, что медведица где-то здесь, а она в это время с ревом кинулась на меня и тут же свалилась, будучи тяжело раненой. Алексей в упор добил ее, а я, как заяц, успел отскочить от нее метров на пять. Медвежат Алексей добил. Потом мы осознали позорную охоту, но это было позже.

Летом 1944 г. очередным рейсом шхуны из Аяна в Охотск прибыл к нам на “курорт” Саша Белогорцев. Это внесло в нашу монотонную жизнь психологическую разрядку. Дело в том, что в Аяне он был на виду у властей и вел себя среди райкомовской и судебной братии несколько вызывающе. В какой-то склочной ситуации эта братия подвела его под закон и осудила на 6 месяцев отсидки. Через какое-то время он освободился и решил приехать к нам как бы поохотиться, хотя охотник из него никакой, вся

надежда на нас. И мы старались ему помочь в заготовке мяса. Мы с Алексеем ходили на охоту почти каждый день, но по закону подлости — безрезультатно.

Через несколько дней должна возвращаться шхуна в Аян, и Саша должен на ней уехать. В один из дней Саша обратился ко мне с просьбой: сходи на охоту, а я за тебя сделаю вечерние наблюдения. Далеко в это время я уже уйти не смог и решил прогуляться по береговой полосе в сторону мыса Энкан. Я взял с собой бердану. Не доходя до мыса, увидел у уреза воды среди валунов медведя. Я поднялся в лес, зашел ему в тыл и спокойно убил его.

Прошел несколько метров по отливной полосе и увидел второго медведя, спускавшегося к морю. Я подобным образом, как и в первом случае, зашел ему в тыл, подошел как можно ближе и выстрелил ему в круп (горб передних ног). Медведь кувыркнулся и побежал в мою сторону. Мгновенная мысль: в момент выстрела медведь сделал движение — пуля передние ноги не парализовала. Вторым выстрелом я его свалил, а третьим добил. Это был довольно крупный черный медведь. От такого счастья я был на седьмом небе и в настроении двинулся домой. Время клонилось к вечеру, но видимость еще была хорошая, и я зашагал по отливной полосе. Прошел первого медведя, подхожу к ключу в сравнительно нешироком распадке и вижу — о, ужас, — медленнодвигающегося к морю громадину-медведя. Таких крупных медведей я еще не видел. Пронеслась мысль: может, пусть уходит, но охотничий азарт взял свое. Я спрятался за выступ крупного валуна и замер в ожидании нужной мне цели. Медведь собирался перейти ключ. Это была самая удобная цель. Я выстрелил в круп, медведь рухнул на передние ноги, я мгновенно стал перезаряжать берданку для второго выстрела, но гильзу раздуло и выбрасыватель затвора не извлек ее из патронника. Мой взор весь на медведя, ревущего и разбрасывающего камни в ключе, а руки шомполом выбивают гильзу. Прошли напряженные драматические секунды, пока руки не выбили гильзу. Я встал, подошел ближе к зверю и добил эту махину. От моего прежнего восторга не осталось и следа. Я уже шел домой в темноте и шептал себе молча: господи, не дай Бог еще такую встречу. Благополучно добрался домой, собаки встретили меня еще далеко от дома. Я пришел усталый под вопрошающие взгляды своих товарищей. Во-первых, они слышали все мои выстрелы — по морю слышно далеко. Никому из них не приходило в голову, что я стрелял по медведям, один Алексей по чередованию выстрелов предположил, что я стрелял в медведей, но в трех!

И когда я рассказал, что убил трех медведей, да еще таким тоном, только Алексей и поверил в это, у нас с ним не заведено было давать авансы. Саша Белогорцев и Никита поверили только на второй день, когда убедились, что носить мясо на спине придется дня два. В честь такого события Саша Белогорцев соорудил памятную доску и выжег слова — “Нестер — ты поистине настоящий охотник на этой земле”. Это была последняя моя охота.

Через месяц прибыла шхуна из Владивостока. Инспектор Д. И. Дмитриенко (позже тоже сотрудник ДВНИГМИ) предложил мне должность начальника метеостанции “Охотск”, и я дал согласие. На этом моя деятельность на Ханянгде закончилась.

Метеостанция “Охотск” ютилась в домике старой постройки, а метеоплощадка была в таком невзрачном состоянии, а главное так близко к берегу моря, что при штормовой погоде не только брызги, но и волны достигали метеоплощадки, подмывая изгородь и фундамент установок. Я добился разрешения на ее перенос в новое благоприятное место.

Другие события и работа в Гидрометслужбе были не столь запоминающимися — это работа начальника метеостанции “Ворошилов”, годовые курсы аэрологов ЦАО, перевод на должность ст. инженера-аэролога и др. В 1955 г. я был назначен начальником аэрологической станции “Сокол” — это в 30 км от Владивостока (пункт Угловая), вблизи военного аэродрома. Выпуски радиозондов осложнялись постоянными согласованиями с воинской частью при проведении ими полетов. Радиозонды выпускались двух типов — РЗ-49 с приемом сигналов на приемники и пеленгуемые РЛС “СОН-2”. РЛС была старая, изношенная и больше ремонтировалась, чем работала. Когда я пришел на станцию и ознакомился с положением дел, я был в отчаянии. С чего начинать? Надо было искать выход.

Однажды на станцию прибыли два человека — один из них был представитель ЦАО, другой — Павел Андреевич Урываев. Ознакомившись с положением дел, Павел Андреевич сказал мне, что станция на этом месте никогда работать стабильно не будет. Ищите новое место. Я тогда не знал, что этот совет дал мне директор ДВНИГМИ. Но мысль эта мне понравилась, и я взял ее на вооружение. В одном из дачных районов Владивостока Сад-городе Владивостокское УГМС с трудом добилось выделения земельного участка для станции пеленгации гроз. Был построен дом и у меня созрела мысль — перебазировать станцию “Сокол” в этот дом. В пятидесяти метрах от дома свободная вершина небольшой сопки, которую легко можно снести бульдозером, выровнять и обустроить здесь отличную площадку для РЛС.

Я поделился своими мыслями со старшим инженером — аэрологом управления Алексеем Емельяновичем Кураковым. Эту должность в свое время занимал я. Алексей Емельянович одобрил мою мысль, но сказал, что осуществить ее практически невозможно. Краевыми властями запрещено любое строительство в курортной зоне, и такое разрешение получить невозможно. Но вариант приемлемый, ищите — таков был ответ. Алексей Емельянович — единственный, с кем мне приходилось решать вопросы, в частности и этот. Он оставил у меня самые добрые воспоминания знанием дела и умением решать сложные вопросы.

**Аэрологическая станция Сад-город. 2005 г.
(с сайта WWW://PRIMPOGODA.RU)**

В какое-то время военные запретили нам выпуск радиозондов (проводились учения). Чтобы выйти из создавшейся ситуации, я перевез радиоприемник и баллоны с водородом в дом пеленгации гроз и неофициально приступил к выпуску радиозондов РЗ-49. Один Алексей Емельянович знал об этом, но запретов не давал. Выпуски стали производиться регулярно, обстановка как будто стабилизировалась. Мы уже стали привыкать к тому, что все вопросы решены, а по сути дела строительства мы никакого не вели. Без использования РЛС мы действительно могли бы закрепиться здесь, но на такой вариант ни УГМС, ни ГУГМС пойти не могли, так как Владивосток считался базовой аэрологической

станцией и в дальнейшей перспективе планировалась поставка РЛС новой системы.

Выход нашелся “без затраты средств”. На станции работала техником одна молодая сотрудница, ранее трудившаяся у главного архитектора города. Через нее я стал зондировать обстановку, чтобы узаконить место под РЛС через архитектора города, и она мне в этом очень помогла. Я на ватман нанес план местности и расположение станции. Через два дня этот план был мне возвращен с печатью: “Утверждаю” и подписью главного архитектора города. При этом план был в единственном экземпляре. Когда появился такой документ, Алексей Емельянович согласовал перенос станции со всеми инстанциями в дом пеленгации гроз. С той поры станция получила название “Аэрологическая станция Сад-город”.

Возникла необходимость перебазировать РЛС СОН-2 и подготовить для нее площадки.

В течение десяти дней мы бульдозером снесли вершинку сопки и получили прекрасную, отвечающую всем требованиям площадку для РЛС. В ближайшее время перебазировали СОН-2, но, к великому сожалению, ее по дороге “растрясли”, а восстановить в рабочее состояние не сумели. Через какое-то время ГУГМС выделило новую РЛС и “Аэрологическая станция Сад-город” стабильно заработала на новом месте.

1956–1958 гг. были периодом становления станции и создания стабильно работающего коллектива. Сюда же были переведены из управления два подразделения: группа актинометристов и группа по подготовке ежегодников.

Станция по стечению обстоятельств оказалась в одном из красивейших мест курортной зоны, быстро развивалась в хозяйственном отношении. Нам была выделена грузовая машина, что способствовало решению ряда вопросов и позволило быть независимыми.

УГМС и коллектив станции построили прекрасный двухэтажный дом, используемый как рабочее помещение и для отдыха.

Пусть это будет нескромно с моей стороны, но я считаю себя основателем аэрологической станции “Сад-город”. Не знаю, вспомнил ли кто-либо о Нестере Григорьевиче, когда отмечали в ПУГМС 70-летие аэрологических наблюдений?

Я с сожалением расставался с коллективом станции, когда переходил работать на НИС “Ю. М. Шокальский”. Не могу представить, какой стала станция сейчас.

В начале 60-го года в ДВНИГМИ появились научно-исследовательские суда, и мой “адвенчер” устремился в поиск еще неизведанных ощущений. Здесь я ближе познакомился с директором ДВНИГМИ П. А. Урываевым. По моей просьбе я был переведен на НИС “Ю. М. Шокальский” начальником аэрологического отряда. Первый вопрос директор задал мне такой: а знаю ли я, в каких условиях придется выпускать радиозонды на судах, особенно в штормовых условиях. Я ответил, что представляю, но не выпускал. Затем началась конкретная беседа. Я не новичок в выпусках радиозондов при сильном ветре на суше, во всех случаях для выпуска нужна прежде всего защита от ветра. Павел Андреевич предложил первый вариант — на кормовой палубе установить стойки из нескольких труб, закрепить их на растяжках, разработать портативное крепление из брезента между трубами. Я набросал эскиз, написал техническое задание для КБ завода, и вскоре вариант ветрозащиты был изготовлен и доставлен на судно для установки.

Не помню, был ли это рейс или пробный выход судна, но в испытании ветрозащиты Павел Андреевич принимал самое активное участие. Судно шло по сороковой параллели осенью, где всегда штормовая погода. В ту ночь ветер был 20–25 м/с. К утру вся оснастка ветрозащиты лежала на палубе, все крепления были вырваны. Необходимо было искать новый вариант. Мною была предложена ветрозащита из тонких дюралевых трубок в виде двух обтянутых тонким брезентом полусфер: неподвижной нижней части и раскрывающейся верхней. Этот вариант ветрозащиты оказался легким в изготовлении и использовался на всех судах, кроме НИС “Ю. М. Шокальский”. Павла Андреевича не устраивала такая кустарно изготовленная ветрозащита, и он дал мне задание продумать новый вариант.

В результате поисков мною был предложен совершенно новый вариант ветрозащиты. Она представляла собой две вращающиеся полусферы — верхняя полусфера с меньшим диаметром входила в нижнюю. При наполнении оболочки она фиксировалась в верхнем положении. Достаточно было небольшого усилия, чтобы развернуть верхнюю полусферу на 180°, и оболочка свободно выходила в полет. Полусферы можно было изготовить в двух вариантах: покрывать их тонкой листовой жестью или выполнить из стеклопластика. Второй вариант дорогостоящий и трудный в изготовлении, так как для этого необходимо было изготавливать матрицу. Изготовленная в первом варианте ветрозащита была передана на АС “Сад-город”, так как в условиях моря была не пригодна. Изготовление второго варианта ветрозащиты из стеклопластика затянулось, но все же один экземпляр удалось изготовить. Это была прекрасная ветрозащита, с зеркально-сверкающей поверхностью внутри, позволяющая производить выпуск радиозондов в любых погодных условиях с судов. Ветрозащита использовалась на НИС “Ю. М. Шокальский” все рейсы. Аэрологи постарались придать ей внешний эстетический вид, раскрасили, нанесли на полусферы материи и океаны. Почти в любом порту захода в период открытых дверей у экскурсантов ветрозащита вызвала интерес, особенно у специалистов-метеорологов.

Что касается назначения научно-исследовательских судов погоды, за рубежом оно трактовалась по-разному. Особенно после одного рейса НИС “Ю. М. Шокальский” в район островов Лайн (Центрально-

Полинезийская гряда), где американцы производили испытания атомных устройств, а мы присутствовали и наблюдали издали. Нас стали называть судами-шпионами и некоторые страны стали ограничивать нам заходы в свои порты.

Конечно, прямое назначение наших судов — это изучение океанов и атмосферы, в том числе ее верхней части — стратосферы. Тем не менее суда использовались и для решения других задач. Так, во втором рейсе НИС “Ю. М. Шокальский” выполнял спецзадание в районе упомянутых островов Лайн. Начальником рейса был военный высокого ранга. Штатным начальником экспедиции был Д. П. Попков, а я — начальником аэрологического отряда. Вход в трехсотмильную зону испытаний был запрещен. Как только мы подходили к границе этой зоны, нас “любезно” встречал американский крейсер. Он сопровождал нас по границе этой зоны весь рейс, развлекая своими кинофильмами. Несколько раз мы пытались обойти крейсер и войти в зону, но крейсер становился борт о борт с нашим судном, давая понять, что так будет до конца испытаний. Мы, естественно, смирились с этим и кружили по этой границе более восьмидесяти суток. В этом рейсе умер Д. П. Попков, а меня назначили на его должность.

Регулярно велись аэрологические наблюдения, а по заданию начальника рейса проводились дополнительные наблюдения со спецприборами.

Американцы не скрывали своих секретов в подготовительных работах и переговоры по эфиру вели открыто. Поэтому мы были полностью осведомлены обо всем, в том числе и о времени взрыва. На расстоянии трехсотмильной зоны мы увидели в совершенно темную ночь свет сполоха, превратившего ночь в день, окутавшего весь небосвод и длившегося несколько секунд, постепенно затухая. Специалисты все это фиксировали на свои приборы, аэрологи в момент взрыва запускали спецприборы. Предполагая, что на палубу и на надстройку судна могут выпадать горячие частицы от взрыва, специалисты с дозиметрами и другими приборами тщательно обследовали судно и при обнаружении частиц ювелирно собирали их. Думаю, что и мы могли нахвататься этого “добра”, но, кажется, Бог миловал.

Как только выяснилось, что в этом районе взрывов больше не будет, нам разрешили идти на о. Фиджи. Когда мы следовали на Фиджи по 180-му меридиану, американцы произвели второй взрыв на атолле Мидуэй. Это было также впечатляющее зрелище. По небосводу с севера на юг распространялась широкая светящаяся фосфоресцирующая полоса, по красоте и окраске цветов напоминающая сполохи северного сияния.

В этих коротких воспоминаниях я не буду подробно останавливаться на программах и задачах рейсов, районах работ, анализе полученных данных — анализы и выводы удел ученых и специалистов.

Скажу только о том, что научных экспедиций по океанам было немало и до появления наших судов, но такого широкого комплекса наблюдений, какие проводились на наших НИС, безусловно не было, особенно по изучению верхних слоев тропосферы и стратосферы.

Как на НИС “Ю. М. Шокальский”, так и на других судах, оснащенных радиолокационными станциями для слежения за радиозондами, имелась возможность получения синхронных данных до высоты более 20 км по ветровым, температурным и влажностным режимам, а с помощью ракетных запусков даже

Киносъёмка на память на НИС “Ю. М. Шокальский”

до 100 км. С уверенностью можно сказать, что наши данные положены в основу характеристик струйных течений в верхней части тропосферы и стратосферы над акваториями Тихого и Индийского океанов.

Наши данные о плотности атмосферы на высотах 100 км в периоды запуска космических объектов на окололунную орбиту и их возвращения на Землю являлись одними из составляющих расчета угла атаки спускающегося объекта при вхождении в верхние слои атмосферы. Как правило, для этих целей “Ю. М. Шокальский” запуски ракет производил на 65-м меридиане вблизи о. Маврикий, иногда по 5–6 запусков в сутки в районах сороковых “ревущих” и пятидесятих “свистящих” параллелей. Необходимость получения данных о плотности верхних слоев атмосферы определялась сложностью возвращения космических объектов на Землю.

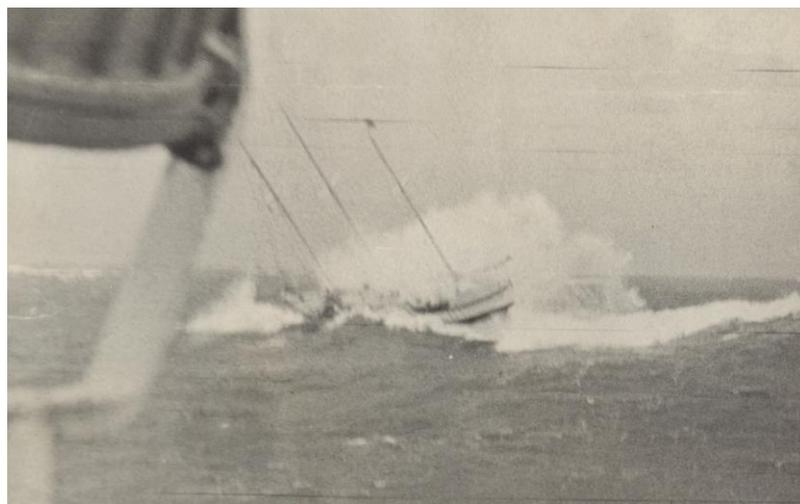
Я попытаюсь представить эту сложность. Во-первых, с окололунной орбиты возвращение космического объекта возможно только по 65-му меридиану с севера на юг либо наоборот. При оптимальном угле атаки спускаемого объекта объект совершает посадку (приводняется) в Индийском океане. Если увеличить угол атаки, объект, ударяясь о более плотные слои атмосферы, как камешек, брошенный по водной поверхности, скользя уйдет в космическое пространство. В случае уменьшения угла атаки — объект от трения в атмосфере сгорит.

Имея данные о плотности атмосферы, ученые, конструкторы разработали вариант спуска так называемого “двойного погружения”. При спуске объекта по 65-му меридиану с юга на север данные о плотности атмосферы на высоте 100 км дают возможность увеличить угол атаки объекта на такую величину, что объект как бы “подскочит” и с более высоким углом атаки увеличит дальность полета и приземления в заданном районе. В эти периоды Павел Андреевич пристально следил за ходом проведения зондирования атмосферы по запросам ученых, конструкторов и исполнителей космических программ.

В одном из рейсов в Индийский океан, выполнив программу, мы возвращались домой, все были в приподнятом настроении, особенно после 120-дневного океанского плавания, молодежь подготовила программу развлечений — КВН. Мы шли в Южно-Китайском море в относительной близости от западных берегов Филиппин. Это была осенняя пора прохождения тайфунов в этих регионах. По полученным картам мы достоверно были осведомлены о синоптической ситуации в интересующем нас районе. Впереди нашего пути вблизи пролива Луссон с востока на запад двигался тайфун “Дора”. Судя по прогнозам, Дора должна значительно раньше пересечь наш путь и сместиться на запад, не угрожая нам своей тыловой частью. Отголоски ветра до нас доходили, но беспокойства не вызывали. Вечер провели относительно спокойно. Судно приближалось к проливу Луссон. Затем вместо рассчитанного нами блаженства и спокойствия море все более и более начало демонстрировать злобное коварство природы. Ветер и волнение усиливались с катастрофической быстротой, причем трудно было определить их направление. Поскольку мы не были подготовлены к таким сюрпризам, иллюминаторы в большинстве кают не были задраены на броняжки. Очередной волной в одной из женских кают был выбит иллюминатор, хлынувший поток воды до смерти перепугал спящую женщину, которая выскочила из каюты с истерическим криком — тоном, подняла всех на ноги и навела панику среди женского состава.

Я посмотрел на барометр — атмосферное давление резко падало, скорость ветра достигала уже 25–30 м/с, волны стали перехлестывать через палубу, “расставляя” по местам все, что им мешало. Матросы во главе с боцманом в этой кромешной тьме и грохоте пытались что-то сделать, но безуспешно, так как чудовищные потоки морских волн и дождя были столь мощными, что заливали лицо и невозможно было что-либо различить. Это и я испытал на себе. Так как я оказался в гуще событий вместе с боцманом. Дело в том, что моя небольшая моторная лодка находилась на палубе и я, спасая ее, ощутил все прелести погоды на себе, рискуя даже жизнью.

Судя по падению атмосферного давления мы сближались с тайфуном. И только позже, когда мы получили карту, стало ясно, что мы имеем дело с тайфуном Дора. Дора оказалась коварной: вместо того, чтобы продолжать движение на запад, изменила свою траекторию на 90° и стала двигаться по Южно-Китайскому морю нам навстречу. Ураганный ветер и сильное волнение наблюдались еще в течение нескольких часов, а затем воцарилась внезапная тишина и даже

промелькнули звезды. Это спокойствие свидетельствовало о том, что мы попали в центр тайфуна. И в подтверждение того, что это “глаз бури”, на нас со всех сторон падали дождем рыбы, на палубу садились птицы, пытаюсь в изнеможении найти убежище от этой бешеной стихии. Краткое затишье длилось недолго, впереди надвигалась стена грозных облаков, волн и усиливающегося ветра. И только через несколько часов мы вышли из этой грозной стихии.

Поскольку на первых порах мы не представляли истинной синоптической ситуации и не подготовились, основательных метеонаблюдений при нахождении в тайфуне не сделали.

На второй день, когда я обследовал свою лодку и с помощью умельцев залатал в борту рваную дыру, на внутренней стороне борта крупно написал слова “Suchka Dora”. Для друзей это была загадочная надпись, не знаю, расшифровал ли ее Василий Иванович Мыльников, когда эта лодка перешла на его попечение.

Запоминающиеся события, как правило, всегда возникают спонтанно. Так было и на этот раз. Закончив работы по пуску ракет на пятидесятых широтах, после захода на о. Маврикий судно следовало в северную часть Маллакского пролива. Где-то в двухсотмильной зоне от острова Чагос разразился редкий для этих широт шторм. Впереди по курсу увидели небольшую шхуну, танцующую среди смертельно опасных для нее волн с висевшим на мачте сигнале о помощи. Подойдя поближе, мы увидели шхуну с заглушим мотором и тремя людьми на борту, в отчаянии молящих о помощи. Шхуна называлась “Марко Поло”. Капитан принял решение снять людей, шхуну взять на буксир до ближайшего порта. Штормовая погода ухудшалась, к тому же двое со шхуны спустили крошечную резиновую лодку и отчаянно гребли в нашу сторону. Это было безумием – лодку бросало, швыряло с гребня на гребень, словно игрушечный поплавочник. Лодка больше находилась в воздухе, чем на воде. Безусловно, капитану потребовалось время для маневра по поиску смельчаков и поднятию их на борт. В результате этого было потеряно драгоценное время для взятия шхуны на буксир за светом. Невероятно, но эти два смельчака подгребали к борту судна. С подветренной стороны судна боцманской команде удалось поднять скорлупу с двумя молодыми людьми, перепуганными до смерти, что в первые минуты ничего от них не могли добиться, кроме “О’кей” и “Сэнкью”. Это были два молодых человека, похоже, что никакие не моряки, а с морем ознакомились только сейчас. Один из них англичанин Роберт Дарк, другой немец. Позже от них узнали, что в их бедствии виноват двигатель, на шхуне остался хозяин шхуны — американец. С невероятными усилиями удалось завести буксировочный трос на шхуну, но снять третьего члена команды до темноты не удалось. Началась буксировка. Трудно передать трагизм увиденного поведения шхуны с человеком на борту. Под ударами волн шхуна скрывалась под водой, проходили секунды трагической развязки, но шхуна появлялась из бездны. И так продолжалось всю ночь. Страшно представить себе, что чувствовал человек в задраенной на все броняжки каюте в подобной ситуации. На второй день в не менее сложных условиях

моря удалось снять хозяина шхуны, избитого, измученного и до смерти уставшего. Это был американец (фамилию не помню), работавший в одной из фирм Бангкока. После выхода на пенсию, построил непотопляемую шхуну и перегонял ее в Америку. Что касается двух других членов команды, то, по их рассказам, в поисках острых ощущений они пустились в путешествие по странам Ближнего Востока с тремя долларами в кармане. В Сингапуре мы с ними распрощались.

Заканчивая свои воспоминания, я совершенно не представляю себе, нужны ли они кому-либо. Но хочется верить, что нужны.